

Народный артист Грузинской ССР Давид Константинович Антадзе завершил работу над книгой «Дни недавнего прошлого», немало страниц которой посвящено жизни и творческой деятельности К. А. Марджанишвили в родной Грузии.

Предлагаем нашим читателям отрывок, посвященный пребыванию выдающегося режиссера в Боржоме.

ВСТРЕЧА В БОРЖОМИ

Котэ полулежа смотрит на лазурное небо, потом легко поднимается.

— Пошли!

Серьезное выражение у Котэ сменяется лукавой улыбкой — деловая беседа окончена.

— Хорошо бы, друзья, здесь, на чистом воздухе, организовать что-нибудь, — мечтательно произносит Котэ. Но, увы, не подумав заранее, мы не знаем, как быть.

На наше счастье, чуть поодаль замечаем мельницу. Я спускаюсь к мельнику, и вот уже нам подают горячее мчади, жареную курицу и кувшинчик вина.

...Котэ поглядывает на часы: до ренетищи еще можно прогуляться.

— А куда ведет эта дорога?
— В Цагвери, — отвечает мельник, — минут десять-пятнадцать ходьбы отсюда.

Мы следуем за ним, готовые выполнить любое его желание. На обочине дороги, у забора, трое крестьян о чем-то горячо спорят. Котэ замедляет шаг, прислушиваясь к карталинскому говору людей, которые что-то не поделили. Мы все еще под впечатлением беседы о «Разделе». И Котэ слушает этих живых персонажей, точно сверяя свой замысел с действительностью.

— Откуда вы? — спрашивает он.
— Из этой деревни, — отвечает тот, который постарше, протягивая руку к домикам, уютным и живописным склоне.

— А как называется деревня?
— Мзета-Мзе (солнце-солнц).
— Как?. Как ты говоришь?
— Мзета-Мзе, а что тут такого? Продолжаем путь. Котэ идет молча, с задумчивой улыбкой...

— Мзета-Мзе, — внезапно вырывается у Котэ. — А вы знаете, какое это чудесное название для... пантомимы...

Впоследствии он назвал так поставленную им пантомиму Тамары Вахвахишвили.

...Что бы ни делал Котэ — совершал ли прогулку, шутил или просто отдыхал — творческая мысль его постоянно работала.

В Цагвери Котэ встретил своих старых друзей — поэта Сосо Гришашвили и актера русской драмы Владимира Брянского.

Узнав Марджанишвили, с почтительной просьбой подошел к нему фотограф. Но Котэ не хотелось сниматься одному. Даже и здесь он оставался режиссером, и рассадил всех нас вот так, как вы видите на этом фото, публикуемом сегодня.

* * *

На снимке: В. Сидамон-Эристави, И. Гришашвили, К. Марджанишвили, В. Брянский, Д. Антадзе.

Боржом, 1926 г.

...Котэ любил природу с каким-то одному ему свойственным пристрастием. Он всегда радовался поводу поработать на воздухе, под лазурным небом. Готовя план «Раздела», он изъявил желание побеседовать с художником. Меня предупредил: «Пригласи Сидамона-Эристави на завтрак в 6 часов утра поднимемся на плато и там потолкуем об оформлении «Раздела».

Мне как помощнику режиссера следовало идти, чтобы записать беседу Котэ с художником и отметить для себя задание по оформлению спектакля. В назначенное время мы направились к знаменитому Боржомскому плато.

Помню раннее утро, пустынную улицу, подъем и раскрывающуюся ширь бескрайней панорамы. В живописном уголке плато, под деревом, мы устроили привал.

Слушаем рассказ Котэ об экспозиции спектакля. Я сижу с раскрытой книгой и по просьбе ре-

жиссера читаю отдельные сцены. Мысль постановщика о соответствия формы спектакля реалистической манере автора в увлекательном рассказе Котэ обращает образную ясность. Художнику предлагается вполне конкретное, но ненавязчивое задание. Поясняя свою мысль, Котэ как бы приглашает художника вместе с ним вслушаться в содержание и характер диалога, в его тональность и ритм, прежде чем решать пластическую форму спектакля.

МАРЖАНИШВИЛИ
К. ТОЛСТАЯ
7 МАР 1966